

Деньги, долг и война

МАУРИЦИО ЛАЦЦАРАТО

Независимый исследователь. E-mail: mlazzarato@free.fr.

Ключевые слова: деньги; долг; война; власть;
Карл Маркс; Мишель Фуко; Жиль Делёз.

Статья посвящена анализу того, как потоки власти, проистекающие из войны, определяют отношение между капиталом и его важнейшим институтом — деньгами. После отмены конвертируемости доллара в золото деньги были оторваны от своей «экономической» базы, «торгового» фундамента, своего основания в «труде». Из предложенных Марксом двух разных взглядов на деньги, один — в «Капитале», а другой — в *Grundrisse*, статья разрабатывает второй подход, демонстрируя, что деньги выполняют непосредственно политическую функцию.

Работа опирается на концепции денег Мишеля Фуко и Жили Делёза. Фуко полагает, что деньги происходят из долга, войны и государства, а Жиль Делёз и Феликс Гваттари заявляют, что деньги являются «долгом» и возникают из новых политических отношений должника и кредитора.

Долговые деньги могут функционировать только благодаря потоку власти и потоку войны. Деньги — это продолжение гражданской войны другими, скорее политическими средствами, и все они вписывают «истину» в игру власти. Кредитные деньги являются «знаком силы», поскольку они представляют собой возможность выбора, принятия решения и командования, то есть разрушительную/созидательную власть. Деньги как платежное средство, напротив, «бессильный знак». Статья демонстрирует, что «экономические» функции денег (мера стоимости, средство накопления, всеобщий эквивалент, средство платежа) зависят от потока иной силы. Если деньги не подкрепляются потоком власти, который по сути является потоком войны, то они разрушаются, а вместе с ними исчезают и экономические функции меры стоимости и средства платежа.

Чего нам сейчас недостает, так это, конечно, не критики марксизма, а современной теории денег, которая была бы так же хороша, как теория Маркса, и продолжала бы ее¹.

Жиль Делёз

В ПЕРВОЙ книге «Капитала» Маркс пишет, что деньги возникают из обмена, из меновой торговли. В процессе товарного обмена появляется особый вид товара, который выполняет роль денег. Таким образом, происхождение денег носит торговый, коммерческий характер — они облегчают торговлю, используются в качестве меры стоимости и средства накопления. «Очерк критики политической экономии» (*Grundrisse*) открывается другой концепцией денег, где они напрямую выступают как капитал и их торговые функции оказываются в прямой зависимости от капиталистических. Торговое происхождение денег более не занимает центрального места в изложении, теперь они используются непосредственно для контроля и эксплуатации рабочей силы. Деньги — это капиталовложение (инвестиции) и способность присваивать себе чужой труд, то есть они напрямую обладают капиталистической и политической функциями.

Решение, в результате которого появился на свет неолиберализм, касалось денег и поставило ряд проблем, не поддающихся анализу в одних только марксистских категориях. В 1971 году американцы отменили конвертируемость доллара в золото. Деньги были оторваны не только от своей «экономической» базы, «торгового» фундамента, но и от своего основания в «труде»: они взяли на себя непосредственно политическую функцию.

Два французских философа, Мишель Фуко и Жиль Делёз (вместе с Гваттари), в режиме реального времени анализировали эту новую концепцию денег, и этот анализ поможет нам лучше понять, как она устроена и как функционирует. Фуко за несколько месяцев до реформы Никсона, а Делёз и Гваттари — через год

Перевод с французского Марины Ярославцевой, выполнен при поддержке Центра франко-российских исследований.

1. *Deleuze G. Les pourparlers 1972–1990. P.: Minuit, 1990. P. 208.*

предложили свои интерпретации денег, изменившие терминологию марксистских дискуссий. Фуко, анализируя зарождение первой денежной экономики в Древней Греции, показывает, что у истоков денег стоят долг, война и государство, а Делёз и Гваттари пересматривают марксистскую теорию денег и заявляют, что они являются «долгом», то есть возникают не из «труда», а из новых политических отношений должника и кредитора. В центре экономики находятся банк и денежное обращение. Долговые деньги, в отличие от марксистских, представляют собой политический конструкт, созданный *ex nihilo* и управляемый банками; но, как и у Фуко, этот конструкт может функционировать только благодаря потоку власти и потоку войны.

Производству всегда, даже сегодня, предшествует «первоначальное накопление», то есть насильственная «апроприация» и внеэкономическая экспроприация, которые создают новое распределение власти и поэтому служат основой новому «способу производства». В своих работах по Древней Греции Фуко прекрасно описывает, как военно-политическая победа приводит к перераспределению власти и функционированию нового способа производства и новых денег. Как обычно, «историческая» работа Фуко строится по генеалогическому методу: он погружается в прошлое, чтобы лучше постичь современность. Так, первый курс Фуко в Коллеж де Франс дает нам первое представление о той природе денег, которая выявляется в отмене конвертируемости доллара в золото.

Фуко начинает с исследования того, как монетаризация экономики исходно возникла из взаимосвязи между войной, долгом и эмиссией денег, на примере города Коринф, где полемарха Кипсела к власти привела армия гоплитов (это было новой стратегией ведения войны и организации солдат), состоящая в основном из бедных крестьян, сильно обремененных долгами. Благодаря военному успеху им удалось создать политическую силу, которая уже противостояла Кипселу. Эта сила грозила развязать гражданскую войну, поскольку крестьяне-солдаты, «должники», отныне действовали организованно и сообща и выдвигали экономические и политические требования.

Фуко особенно интересуется, каким образом Кипсел рассчитывал сохранить власть после одержанной победы, контролируя и подчиняя своей экономической политике задолжавших солдат-крестьян. Для этого Кипсел встроил использование денег в (политический) диспозитив (экономической) интеграции военной силы; ключевым в нем является «ограничение социальных тре-

бований... приобретших угрожающий характер с созданием войска гоплитов»², так как аграрные кризисы усугубляют задолженность крестьян. Что будет делать тиран, зная, что речь идет о сохранении режима собственности и удержании власти имущим классом? Он будет осуществлять лишь частичное перераспределение земли в пользу крестьян-солдат (без списания их долгов), облагая в то же время «богачей» налогом в размере одной десятой дохода. Одна часть напрямую перераспределяется в пользу «бедняков», особо серьезно задолжавших, а другая направляется на финансирование «капитального строительства» и на задатки ремесленникам. Эта сложная система не могла возникнуть «естественным» образом. Экономический цикл, в результате которого деньги, распределяемые между «бедняками», оседают в карманах «богачей» (путем организации «наемного» труда погрязших в долгах крестьян-солдат), которые, в свою очередь, приобретают возможность заплатить налог (в денежной форме), обеспечивает — Фуко опирается здесь на Эдуара Уилла³ — «кругооборот денег и их эквивалентность товарам и услугам». В этом цикле деньги утверждаются в качестве меры и стандарта «обмена» и «эквивалентности», которые путем расширения и усиления режима задолженности *впервые учреждают государство как политический институт в устройстве города*: налогообложение и налоговизимание, накопление денежных средств, определение стоимости, перевод экономической деятельности из аграрного сектора в торговый, а также развитие колонизации создают формальные условия для рынка и производят рыночное пространство, непосредственно контролируемое государственным аппаратом.

Созданные «из ничего» (или почти) деньги начинают зависеть от новой и «чрезвычайной» формы политической власти, от тирана или законодателя, который вмешивается в «режим собственности, в игру долгов и платежей» и обеспечивает территориальную институционализацию (ретерриториализацию) военной машины гоплитов, приведшей Кипсела к власти. Деньги отождествляются с осуществлением власти в том смысле, что «власть приобретается и осуществляется не потому, что некто обладает деньгами. Ско-

2. Foucault M. Leçons sur la volonté de savoir. Cours au Collège de France (1970–1971). P.: Gallimard; Seuil, 2011. P. 133 (лекция 24 февраля 1971 года).

3. Will É. Korinthiaka: recherches sur l'histoire et la civilisation de Corinthe des origines aux guerres médiques. P.: Editions de Boccard, 1955. P. 470 sq.

рее деньги были институционализированы благодаря тому, что кому-то удалось захватить власть»⁴.

Таким образом, деньги не являются простым экономическим «капиталом», как можно было бы предположить, будь у них торговое происхождение. «Государство» институционализирует использование денег, а они, в свою очередь, способствуют его созданию, и в руках государства деньги исполняют не столько функцию *перераспределения*, сколько *расширенного воспроизводства* властных позиций в обществе. Так что деньги — это продолжение гражданской войны другими, более *политическими* средствами. С одной стороны, деньги производят, трансформируют и тем самым воспроизводят социальные слои (аристократов, воинов, ремесленников, «наемных рабочих»), различия между которыми подпитывают всегда присутствующую возможность гражданской войны как ту социальную реальность, с которой политика должна научиться *считаться*. С другой стороны, именно благодаря целой «игре новых правил», призванной положить конец беспорядочной борьбе бедных и богатых, институт денег обеспечивает «сохранение классового господства», условием которого является вытеснение «социального разделения» и гражданской войны в другое пространство.

Экономика впервые становится политической экономией благодаря власти, которая *ведет войну посредством денег*. И Фуко тут же обращает внимание на ключевую сущность этого *захвата власти* и *захвата военной добычи*, в отличие от марксистского экономизма, для которого все функции государства, власти и войны в конечном счете определяются «экономическим базисом». Но главное, благодаря Фуко мы можем увидеть принципиальную сущность отмены конвертируемости доллара в золото, подлинного источника всей неолиберальной политики.

Делёз

Жиль Делёз и Феликс Гваттари по-другому смотрят на соотношение денег, долга и войны, проводя сущностное различие между той концепцией денег, которую Маркс описывает в начале «Капитала» (торговые деньги, деньги как всеобщий эквивалент обмена), и той, которой открывается *Grundrisse* (кредитные деньги, деньги как капитал, у которого нет экономического эквива-

4. Foucault M. Leçons sur la volonté de savoir. P. 132 (лекция 24 февраля 1971 года).

лента, поскольку они, напротив, должны создавать прибавочную стоимость путем эксплуатации рабочей силы). С одной стороны, деньги — это долг («банки словно создают долг перед самими собой, как творение *ex nihilo*, которое вместо того, чтобы передавать уже созданные ранее деньги как платежное средство, выбирает на одном конце негативные деньги (деньги, записанные в пассиве банков) и проецирует на другом конце позитивные деньги (кредитование производящей экономики банками)»⁵; с другой стороны, чтобы долговые деньги могли существовать и функционировать, необходим внеэкономический поток, который Делёз объясняет через потоки войны.

Это еще один способ (дополнительный к подходу Фуко) выйти за рамки «экономизма», которым часто грешит марксизм, и выразить новую природу денег, обусловленную решением Никсона. Деньги — это не только созидательная, но и — в первую очередь — разрушительная сила. Именно этой разрушительной силой часто пренебрегают марксисты (за исключением Ленина), когда разрабатывают свои категории, например когда представляют «труд» исключительно созидательной силой (создающей стоимость и мир).

При капитализме одни и те же деньги выражают гетерогенные потоки силы: поток покупательной способности, который представляет собой совокупность платежных средств (заработная плата и доход), реализующихся путем приобретения уже произведенных, уже существующих благ, строго подчинен финансовым потокам, которые представляют собой не просто «покупательную способность»⁶, не просто соответствие между деньгами и благами, но власть предписания и упорядочения труда. Финансовые потоки представляют собой совокупность выборов и решений, которые касаются будущего и предвосхищают как производство, отношения власти, так и формы подчинения.

В покупательной способности «деньги представляют собой возможный разрез-изъятие из потока потребления» (заданного установленными отношениями власти); напротив, в структуре финансов деньги функционируют в качестве «возможности разреза-разделения»⁷, который перестраивает цепочки валори-

5. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Пер. с фр. и послесл. Д. Кралечкина, науч. ред. В. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. С. 375–376 (перевод изменен).

6. *Pouvoir d'achat*, дословно — покупательная власть. — Прим. пер.

7. «Разрез-изъятие» (*coupure-prélèvement*) и «разрез-разделение» (*coupure-détachement*) — термины Делёза, обозначающие вторжение машин в пото-

зации и накопления капитала, реконфигурирует состав рабочей силы и населения, а также проектирует новые формы эксплуатации и подчинения.

Сила денег как структуры финансирования происходит не из большей покупательной способности, а сила капиталиста проистекает не из того, что он богаче рабочего. Его «сила проистекает из того, что он управляет финансовым потоком и определяет его направление», то есть располагает временем как выбором, как возможностью эксплуатировать, подчинять, повелевать и руководить другими людьми. Для Делёза *деньги как покупательная способность* — это то, с помощью чего *ретерриториализируются* и фиксируются потоки от труда и до потребления, до семьи, до занятости и до различных форм подчинения (рабочего, преподавателя, мужчины, женщины и т. д.), которые также присущи обществу разделению труда.

Соотношение потока денег и потока власти касается также и «зарплаты». Именно в рамках отношений по поводу заработной платы рабочий класс как раз в 1960-е годы превратил «покупательную способность» в революционную силу. Требование заработной платы может быть способом принять и признать отношения подчинения и власть капитала, как это чаще всего происходит в профсоюзной политике. Но требование заработной платы и покупательная способность могут также представлять собой переломный момент этой ретерриториализации, отказ от этих отношений подчинения при условии, что *поток заработной платы будет выражением потока другого рода*, другой силы — потока революционного разрыва капиталистической правительности (*gouvernementalité*). Подобно тому как капитал должен превращать деньги (платежное средство) в капитал, пролетариат должен трансформировать поток покупательной способности в поток автономной и независимой субъективации, в поток прерывания политики капитала, то есть одновременно в поток отказа и поток бегства от тех функций и отношений подчинения, в которые он загнан. Он должен противостоять капиталу как политическому врагу в гражданской войне: как напоминает нам Фуко, первой функцией любого правительства является отрицание этой войны. Капитал обладает властью над потоком покупательной способности рабочих прежде всего потому, что он управляет фи-

ки. В русском переводе «Анти-Эдипа» Дмитрия Кралечкина — «срез-выборка» и «срез-обособление» соответственно. — *Прим. пер.*

нансовым потоком⁸. Деньги как капитал обладают разрушительной/созидательной властью, которой не имеют деньги в качестве покупательной способности.

Финансовый поток, то есть деньги как капитал, является мутирующей властью, созидательным/разрушительным потоком, совокупностью «знаковых сил», поскольку он затрагивает будущее, выражает силу предписания и представляет собой власть, превосходящую то, чего еще нет. Финансовые потоки — это детерриториализованная и детерриториализующая власть, которая не вытекает из экономической власти, но имманентна ей.

Кредитные деньги являются «знаком силы», поскольку они представляют собой возможность выбора, принятия решения и командования, то есть разрушительную/созидательную власть. Деньги как платежное средство, напротив, «бессильный знак», поскольку он способен действовать лишь в качестве средства приобретения уже существующих товаров и тем самым устанавливать «дву-однозначные отношения между деньгами и навязанной гаммой продуктов»⁹. Специфика капиталистической власти возникает не из простого производственного накопления, а из способности реконфигурировать отношения власти и процессы субъективации.

Но у любого капиталовложения есть внеэкономическое условие. Условием знаковой силы, созданной кредитными деньгами, является уничтожение всякой альтернативы и любого сопротивления капиталистической логике. Кредитные деньги функционируют по тому принципу, который описывал Маркс в теории первоначального накопления — они всегда сопровождаются войной. Любое рассуждение, игнорирующее это обстоятельство, сводит капитал к простой «производительной» силе модернизации,

8. См. лекцию 4 июня 1973 года: «Какими вы ни были бы богатыми, как бы ни была сильна ваша покупательная способность, деньги в качестве покупательной способности обозначают совокупность бессильных знаков, которые получают свою силу только от другого потока, от финансового потока. И так же, как деньги в качестве покупательной способности регулируются законами обмена, так и другой поток регулируется совершенно другими законами, а именно законами создания и уничтожения денег». *Deleuze G. Les conceptions de l'énoncé. Cours du 4 juin 1973.* URL: <http://www.le-terrier.net/deleuze/anti-oedipe100oplateaux/1404-06-73.htm>.

9. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. С. 362 (перевод изменен).

в то время как «сила» (война) сама по себе является производительной силой¹⁰.

Делёз ясно показывает это в своих лекциях, предваряющих «Анти-Эдипа» — книгу, в которой мы находим самую интересную переработку марксистской теории денег после 1968 года. Экономика никогда не функционировала как рыночная экономика. В любой общественной формации способность экономики включать в себя акты обмена зависит от другого потока, и точно так же от них зависит и ее способность запускать обменные контуры на основании денег как покупательной способности:

Очевидно, что обмен вторичен по отношению к чему-то совершенно иной природы. «Иная природа» имеет совершенно конкретное значение: это означает поток другой силы¹¹.

Благодаря блистательному комментарию Делёза¹² к книге Жоржа Дюби «Воины и крестьяне» мы можем глубже понять природу разных неотъемлемо экономических потоков, потоков власти и войны, пронизывающих и организующих экономику и общество. «Экономические» функции денег (мера стоимости, средство накопления, всеобщий эквивалент, средство платежа) зависят от потока иной природы, то есть от иной силы. Если деньги не подкрепляются потоком власти, который по сути является потоком войны, то они разрушаются, а вместе с ними исчезают и экономические функции меры стоимости и средства платежа. Именно это произошло с европейской экономикой после падения Каролингской империи, когда поток имперской власти иссяк. Европейскую экономику мог реанимировать только разрушительный/созидательный поток, то есть власть «варварской» детерриториализации, которая буквально возродила обмен и различные функции денег. У рыночной экономики нет никакой автономии, она не способна существовать автономно, независимо от потока власти, от силы «воинственной» детерриториализации.

10. «Власть заключается именно в том приоритете, который потоки высшей силы имеют над потоком низшей силы. Иными словами, думать о власти в контексте обмена и исходить из меновой стоимости — такая же глупая затея, как искать в механизме обмена условие производства высказываний. <...> Поэтому порождение высказываний никогда не начинается с цепочки обмена, ведь на самом деле эта система обмена возникает или имеет значение только в связи с цепочкой иной силы — цепочкой созидания-разрушения». *Deleuze G. Les conceptions de l'énoncé.*

11. *Ibidem.*

12. *Ibidem.*

С периферии империи викинги на ладьях и венгры на лошадях (поток мобильности, поток миграции, поток кочевников, поток воинов, превосходящих силой постоянное крестьянское население) набрасывались на империю, разоряли деревни, могилы и монастыри. Эти трофеи привели к некоторой разрядке, во всей Европе произошло высвобождение денег, благодаря чему в эконо­мику вернулась монетарная сила, которую деньги полностью утратили, когда их функции оказались сведены лишь к покупательной способности и меновой стоимости. Это было капиталовложение посредством разрушения.

Менее подвижный поток (крестьяне) подчинился кочевому и мобильному потоку (воинам-варварам). «Варварские» потоки представляют собой детерриториализированные потоки войны, но они и сами обладают детерриториализирующей силой. Если деньги как средство платежа, меры стоимости и т. д. являются детерриториализированным потоком, то их детерриториализирующая сила происходит не от самих денег, а от разрушительных/созидательных потоков власти, запущенных варварами (а позднее — капиталистами или революционными силами). Бессильные денежные знаки получают свою силу от кочевого, миграционного, мобильного, варварского потока.

Эти новые концепции денег позволяют расширить взгляды Маркса. В результате этих рассуждений мы можем заключить, что отношение между производством и оборотом перевернулось, так как теперь оборот, по-видимому, обладает приоритетом над производством. Но стоит особенно подчеркнуть тот факт, что у истоков этого переворота лежат резкие изменения в организации капитализма, произведенные двумя мировыми войнами.

Две тотальные войны первой половины XX века радикально трансформируют марксистскую категорию «производства», поскольку производство различными способами *становится частью оборота*. Теперь производство — лишь момент в товарообороте (логистика) и момент в денежном обороте (финансы) и обороте информации (массмедиа и цифровая индустрия). В целом, как и утверждалось в феминистских теориях, производство отныне является лишь частью «социального воспроизводства». Производство подчинено возможности и способности воспроизводить и контролировать совокупность отношений господства и соответствующие им стратегические оппозиции.

Это еще один способ сформулировать главный тезис этой статьи: потоки власти, проистекающие из войны, определяют отношение между капиталом и его важнейшим институтом — деньгами.

Библиография

- Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007.
- Deleuze G. Les conceptions de l'énoncé. Cours du 4 juin 1973. URL: <http://www.le-terrier.net/deleuze/anti-oedipe1000plateaux/1404-06-73.htm>.
- Deleuze G. Les pourparlers 1972–1990. P.: Minuit, 1990.
- Foucault M. Leçons sur la volonté de savoir. Cours au Collège de France (1970–1971). P.: Gallimard; Seuil, 2011.
- Will É. Korinthiaka: recherches sur l'histoire et la civilisation de Corinthe des origines aux guerres médiques. P.: Editions de Boccard, 1955.

MONEY, DEBT AND WAR

MAURIZIO LAZZARATO. An independent researcher, mlazzarato@free.fr.

Keywords: money; debt; war; power; Karl Marx; Michel Foucault; Gilles Deleuze.

The article analyzes how the flows of power that derive from war determine the relationship between capital and money, which is capital's most important institution. As soon as the dollar was no longer convertible into gold, money became detached from its economic and commercial foundations and from its essential role in labor. Marx suggested two different views of money — one in *Das Kapital* and another in the *Grundrisse*. The paper elaborates the latter to argue that money assumes a directly political function.

Michel Foucault and Gilles Deleuze provide the concepts of money on which the paper relies. Foucault finds the origin of money in debt, war and the state; Deleuze and Félix Guattari maintain that money is debt that derives from a new political relationship between debtor and creditor. Money as debt is functional only due to a flux of power and a flux of war. Money is the continuation of civil war by other, more political means; and it inscribes “the truth” into the play of power. Money as credit is a sign of power because it represents the possibility of choice, decision and command, that is to say the power of destruction or creation. Money as a means of payment, on the other hand, is a sign of powerlessness. Following Deleuze, the paper affirms that the economic functions of money (indication of value, store of value, unit of account, medium of exchange) depend on the dynamics of some other power. If money is not supported by a flow of power that is in essence a flow of war, it collapses, and the economic functions of indicating value and being the medium of exchange collapse with it.

DOI: 10.22394/0869-5377-2019-6-73-83

References

- Deleuze G. Les conceptions de l'énoncé. Cours du 4 juin 1973. Available at: <http://le-terrier.net/deleuze/anti-oedipe1000plateaux/1404-06-73.htm>.
- Deleuze G. *Les pourparlers 1972–1990*, Paris, Minuit, 1990.
- Deleuze G., Guattari F. *Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniia* [L'Anti-Cédipe: Capitalisme et schizophrénie], Yekaterinburg, U-Faktoriia, 2007.
- Foucault M. *Leçons sur la volonté de savoir. Cours au Collège de France (1970–1971)*, Paris, Gallimard, Seuil, 2011.
- Will É. *Korinthiaka: recherches sur l'histoire et la civilisation de Corinthe des origines aux guerres médiques*, Paris, Editions de Boccard, 1955.